

ВЕЧЕН, КАК СТИХИЯ АКТЕРСТВА

От прошлых веков нам остались картины и статуи, стихи и проза, осталась музыка, а также и те инструменты, на которых ее исполняли. И только театр уходит навсегда с каждым уходящим поколением. Ни традиции и предания, ни мемуары и исследования, ни даже открытая нашим веком возможность фиксировать актерскую игру на киноплёнке — ничто не даст вам испытать «в подлиннике» те чувства, с которыми кто-то когда-то смотрел Мочалова и Каратыгина, Ермолову и Федотову, да в сущности и наших знаменитых современников, если вы не застали их на сцене, а видите только в кино. До нас доходит легендарная слава великих актеров, но можно сказать, что и все сценическое творчество обречено на легендарность.

Что осталось нам от Федора Волкова? Почетный титул Отца Русского Театра,

данный ему Белинским, хвалебные и восторженные отзывы Фонвизина, Новикова и Державина, несколько биографических дат и кое-какие предположения о его искусстве, репертуаре и организаторской деятельности в Ярославле и Петербурге. История «настоящего» театра в его европейских формах начинается, однако, не с Волкова, а еще с допетровских времен; не так давно мы отмечали трехсотлетие первого спектакля, устроенного для царя Алексея Михайловича в подмосковном селе Преображенском и длившегося десять часов. Театр внедряется одновременно с другими новшествами. Еще не хватает «охотных смотрельщиков» (то есть зрителей, согласных платить за вход), а уже есть «охочие комедианты», играющие не только для удовольствия публики, но и для своего собственного. Вероятно, такой была и труппа, собран-

ная в Ярославле купеческим сыном Федором Волковым и вызванная потом ко двору Елизаветы Петровны. И, наверное, почти каждый актер в этой труппе был такой же «в полном смысле русский человек», каким Белинский обрисовал Волкова: «бойкий, твердый, сметливый, переимчивый». Вот с этим-то чувством мы и думаем о Федоре Волкове, справляя его 250-летний юбилей: поражает это воплощенное в его полуполюгендарной личности «охочее комедианство» — первоначальное ощущение театра как радостной игры. Ощущение же это отнюдь не «исторично», оно всегда свежо или по крайней мере всегда должно быть свежо, иначе никакое традиционное или новаторское мастерство не спасет театр от холода и скуки.

Мы не знаем в точности, каким был Волков. Для нас он таков, каким мы хотим видеть всякого актера. Разрушаются статуи, осыпается краска с полотен, изменяющиеся вкусы меняют судьбу то одних, то других поэтов и музыкантов, — а театр, который рождается каждый вечер заново, вечен, как стихия актерства в детях, художниках и (как мы ее ни подавляем) в каждом из нас.

Вот так и может ожить для нас далекий предшественник. И тогда мы помянем его словами благодарности за все, что было после него в заложенном им храме искусства. «Мы к сценическому искусству едва ли не самый способнейший в мире народ», — писал Островский. Россия быстро стала очень театральной страной, так что, когда она явилась Западу законодательницей новых театральных идей и вкусов — с начала XX века, — у этого явления был исторический и эстетический фон: не только русская театральная традиция, но и традиция любви к театру. Великие актеры зажигали ее в сердцах зрителей «второго Московского университета» — Малого театра, голодные провинциальные комики тянули ее из Вологды в Керчь и из Керчи в Вологду... Родоначальником обеих этих традиций мы и называем сегодня «охочего комедианта» Федора Григорьевича Волкова.

И когда новые советские пьесы идут для нового советского зрителя в неизменно изменившемся Ярославле — имя Волкова в названии этого театра стоит не только по историческому праву, но и по смыслу тех идей, которые ставит себе весь наш театр сегодня.

А. АСАРКАН.